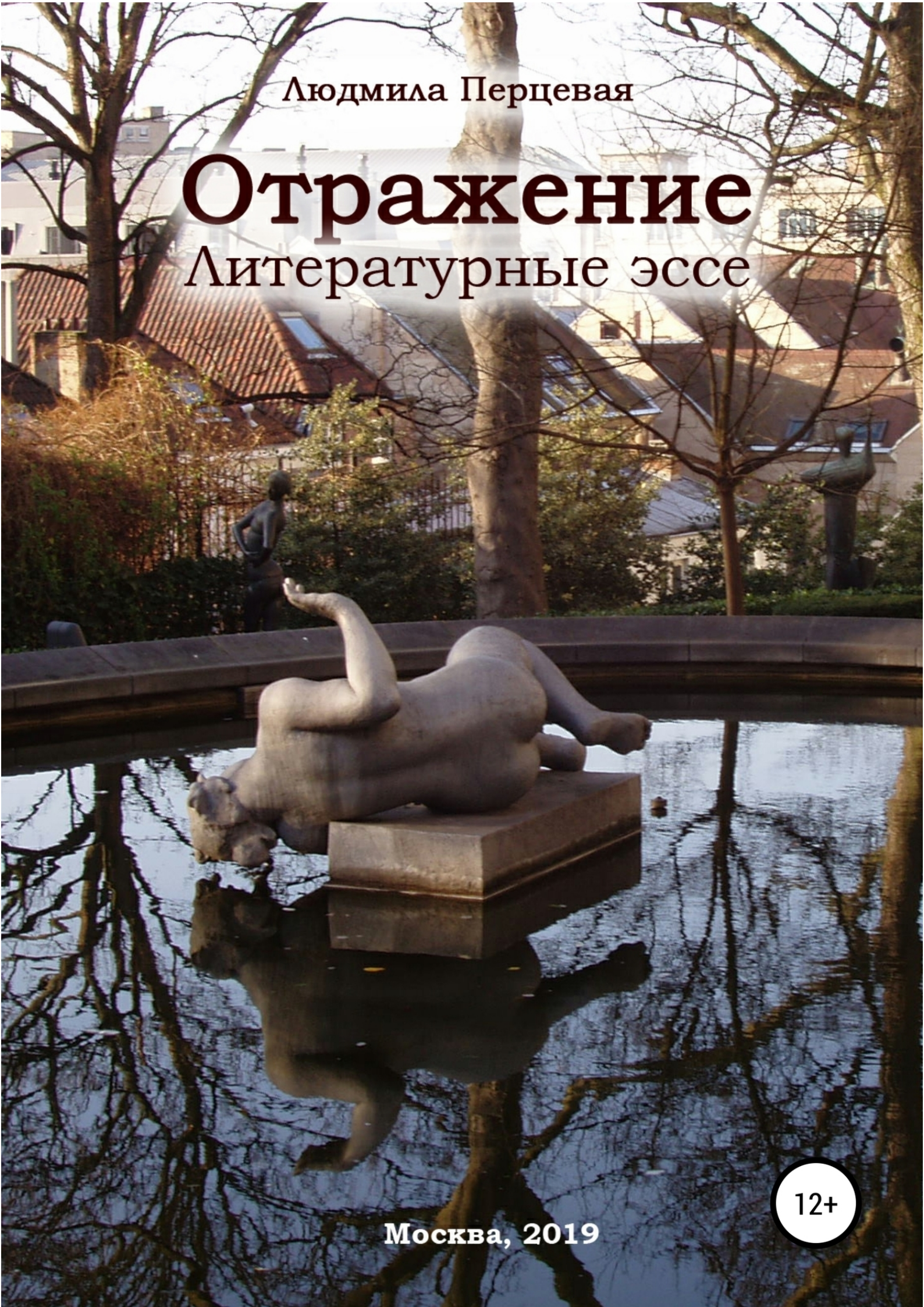

Людмила Перцевая

Отражение

Литературные эссе

Москва, 2019

12+

Людмила Перцевая

Отражение. Литературные эссе

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Перцевая Л. Н.

Отражение. Литературные эссе / Л. Н. Перцевая — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9914-2

Людмила Перцевая в своих литературных эссе не претендует на научное толкование художественных текстов. Скорее это – любование замечательными творениями литературы, сопереживание! Здесь нет методически выверенного анализа, но в читательском проникновении в замысел и воплощение идей автор эссе становится ...соавтором писателя. Ведь у каждого из нас своя Татьяна Ларина, свой Борис Годунов, по-особому близкий Александр Блок или Клиффорд Саймак. Кто хочет научиться вдумчивому чтению, написанию сочинений, тот прочтет эссе с большой пользой для себя, получит удовольствие от общения с эрудированным собеседником, виртуозно владеющим литературным языком.

ISBN 978-5-5320-9914-2

© Перцевая Л. Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Кто такой этот Я	5
Веничка Ерофеев: не приходя в сознание	9
Полтора века "Идиоту" Достоевского	12
Приговор Клиффорда Саймака	15
Иван Флягин, русский богатырь	17
"Тобол" – исторический роман на злобу дня	20
"Повелитель мух" Голдинга и Толпа	23
Идеальная пьеса Оскара Уайльда	25
О добре и милосердии	28
«Игроки» Гоголя – гениальная незавершенка	31
Робинзон Крузо: что страшнее одиночества	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кто такой этот Я

Диктат вкуса меня изумляет! Ну не могут все люди любить исключительно Бродского. Только Маяковского. Заболоцкого. И даже Пушкина. Истинный поэт – всегда яркая индивидуальность, по ритмам, лексике, выраженным смыслам и чувствам. Читатель интуитивно определяет своего Поэта – по настроению в данную минуту, по созвучию своему возрасту, по строю понятий и близких ему идеологем. Более того – по необъяснимой прихоти в какой-то момент мне хочется слышать Окуджаву, а в какой-то – манерного Вертинского, одно другому не противоречит, так прихотливо распорядилось мною настроение! Да и они, поэты, бывают очень разными, счастливыми или страдающими, в упадническом духе или возвышенном, и опять же очень непросто с ними совпасть, почувствовать биение сердца учащенное или умиротворенное.

Никто и никогда за читателя не способен решить, кто ему ближе, роднее, нужнее: Шевченко, Хлебников или Асадов. Наблюдатель со стороны может как угодно кривить губы на этот личностный выбор, мол, эти устарели, тот – полный отстой, а этот – вообще годится только для пародий. На его взгляд в данный момент это может быть и так. Но мы же допускаем не только у поэтов, но и у читателей наличие индивидуальности! Мы, демократы и люди широких взглядов, не способны выстроить читательскую аудиторию в одну шеренгу для декламации Иосифа Бродского!

Потому что в этой толпе – бабушка-резонер, философ-чиновник, ерничающий выпивоха, пацан, который даже спит в ритме рок-н-ролла, сентиментальная барышня, дока-буквоед и ошалелый шизофреник. Они чего-то там напевают, декламируют, записывают в тетрадки и альбомы, прочувствованно повторяют про себя и вслух. Они разные, с этим ничего не поделаешь, их не надо рядить в один мундир и давать им на предмет "обязательно полюбить" стихотворный сборник самого прогрессивного или продвинутого поэта.

Кто-то продолжает напевать Михаила Светлова, кто-то обожает Багрицкого, кому-то дорог Степан Щипачев.

Я не оговорила, я вполне допускаю, что этого последнего продолжают любить, и не собираюсь высмеивать обожателя моральных сентенций! У каждого читателя – свой горизонт, свой потолок, своим цветом выкрашены небеса и подобраны цветы в букеты! Мне смешон Фет с его переизбыточной слезливостью, моему соседу непонятен Вознесенский с его "Треугольной грушей" – и это свидетельство лишь того, что мы существа разной органики! И не могут все в равной степени искренне вытягиваться во фрунт перед Некрасовым или Мандельштамом, потому что разнообразие человеческой натуры не поддается никакому измерению и уж точно никаким оценочным категориям! (Естественно, я не говорю о криминальной составляющей!) Так ведь это здорово, что все мы, человеки – не одинаковые!

... На конкурсе литературной критики можно было видеть, как продвинутые оценщики спорили и с авторами конкурсных работ, и друг с другом, и со случайными "прохожими-читателями". Наблюдалось естественное человеческое желание утвердить некий стандарт вкуса – со всех позиций! Разумеется, консенсуса достичь было невозможно. Мне после всех этих разговоров очень захотелось принять оглушающе крепкий душ из стихов. Залить хорошую порцию внутрь. Прополоскать мозги. Образами, эмоциями, фантазиями.

Бог ты мой, кем только не воображает себя Поэт: деревом, городом, свирелью... Перегноем!

Какое счастье, что они так непостижимо разнообразны в своих ощущениях! И что не было в их жизни модераторов, пересчитывающих слоги и ударения, подгоняющих под единый стандарт формы, а были профессиональные редакторы, которые превыше всего ценили в поэте

индивидуальность. С которой они как-то умудрялись находить своих читателей. Но подборка получилась любопытная!

Сергей Есенин:

"Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет".
"Я странник убогий.
С вечерней звездой
Пою я о боже
Касаткой степной".

Андрей Вознесенский:

"Я – Гойя!
Глазницы воронок мне выклевал ворон,
слетая на поле нагое...
Я – горло
Повешенной бабы, чье тело, как колокол,
било над площадью голой...
Я – Гойя!"

Григорий Поженян:

"Я старомоден, как ботфорт
на палубе ракетноносца,
как барк, который не вернется
из флибустьерства в новый форт.
Как тот отвергнутый закон,
что прежней силы не имеет,
и как отшельник, что немеет
У новоявленных икон".
"Ты хочешь, чтобы я был, как ель, зелёный,
Всегда зелёный – и зимой, и осенью.
Ты хочешь, чтобы я был гибкий как ива,
Чтобы я мог, не разгибаясь, гнуться.
Но я другое дерево..."

Владимир Маяковский:

"Я – царь ламп!
Придите все ко мне,
кто рвал молчание,
кто выл,
оттого, что петли полдней туги, -
я вам открою
словами
простыми, как мычание,
наши новые души,

гудящие,
как фонарные дуги".

Леонид Мартынов:

"Я чуток,
Напряжен я,
Как рояль.
Но подойди хоть Бородин, хоть Скрябин,
Не трогайте, не жмите на педаль!
Шершавый от царапин и корябин,
Сегодня я уж больше не служу,
Рукам умелым, как и неумелым,
Но сам себе я струнами гужу
И весь дрожу своим древесным телом».
"Я –
Пламень фар,
И на меня летят
Ночные бабочки и мотыльки,
Не ведая, чего они хотят.
Ночную тварь маню я колдовски.
Я
даже мышь летучую подшиб,
Хоть не хочу, чтоб кто-нибудь погиб
Вот так бессмысленно из-за меня –
Стремительно летящего огня".

Борис Пастернак:

"Я – пар отстучавшего града, прохладой
В исходную высь воспаряющий. Я –
Плодовая падаль, отдавшая саду
Все счета по службе, всю сладость и яды.
Чтоб музыкой хлынув с дуги бытия,
В приемную ринуться к вам без доклада.
Я – мяч полногласья и яблоко лада.
Вы знаете, кто мне закон и судья".

Николай Заболоцкий:

"Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком;
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит".

Остановлюсь на этом. Оказывается, совпадение поэта с явлением, предметом, зверем или деревом наблюдается повсеместно, практически в каждом сборнике, так велико искусство перевоплощения, так соблазнительно поэту транслировать посыл от лица самой природы!

Мне не хочется подбирать ученые слова для обозначения этого явления, я сама немножко поэт и тоже в какой-то момент скажу:

"Словно в мутной речке рыбка

Я дорогу не найду,
Щука? Тина? Грязь? Всё зыбко,
Омут – там, и невод – тут...
Вот в сомнениях и страхе
Замерла. Жду рыбака.
Спининговые замахи:
Хлещет крепкая рука!
Я доверюсь этой леске,
Ухвачу пустой крючок,
Подсекай же быстро, резко!
И...подайте мне сачок!"

Веничка Ерофеев: не приходя в сознание

– Как?! Ты до сих пор не поняла, почему Веничка Ерофеев – классик? Не прошла с ним экзистенциальный маршрут "Москва – Петушки"?

– Я делала подступ... Но очень быстро меня одолевала злость, я не могла понять, зачем мне этот алкаш с его непрерывной заботой: как напиться так, чтобы не стошнило, где взять, в каком количестве и как при этом не потерять последний ориентир в пространстве? Зачем мне, спрашивала я себя, эти рецепты немислимых коктейлей из политуры, лака для ногтей и "Свежести", поиск зубровки и хереса?

– погоди, не горячись, но ты ведь и в "Игроках" Гоголя не уроки картежного мастерства ищешь, а нечто совсем отвлеченное, о характере удивительного народа!

– Да, разумеется... Согласна. Тут прагматичный посыл не годится, не поваренную книгу читаешь...

– Под окном моего деревенского дома – огромная лужа. По ней – то легкая рябь от утреннего ветерка, то каскад солнечных брызг от скачущих с воплями мальчишек, то она взбаламучится вечерним стадом коров, то успокоится и в ней отразится синее небо с пышными белыми облаками. Ликвидировать ее, засыпав асфальтовой крошкой, или беречь, как портал в мир вдохновения и поэзии? Не спеши с приговором...

Я прекращаю диалог сама с собой и беру с полки книгу Ерофеева, подумаешь, и двухсот страниц нет, махом одолею!

Но махом не получается. Между уведомлением от автора и первой страницей поэмы сказано, что автор посвящает эти трагические страницы своему первенцу. Читатель насторожен: вот эти блуждания непросыхающего пьяницы в поисках очередной дозы и то ли Кремля, то ли Курского вокзала, вот эта нечаянная ночевка в чужом подъезде и ласковая беседа с ангелами, обещающими, что скоро откроется магазин, дадут красненького и станет полегче... вот это – трагические страницы?

Старательная попытка удержать равновесие в этом зыбком мире с опорой на себя и ангелов, манера Венички вести непрерывный диалог с самим собой мне вдруг оказывается очень близка и понятна! А на кого ему, выросшему за Полярным кругом, где-то там, в детдоме, еще и надеяться, кто еще, кроме ангелов, так ласково ему скажет: "Конечно, Веничка, конечно, зажмусь, чтобы не так тошнило..."

Я усмехаюсь и отмечаю про себя, что с возрастом человек становится терпимее, обретает способность читать между строк и проникать, почему это хождение от вокзала к вокзалу может восприниматься, как поэма. Все это ёрничество и пристебывание обретает оттенок застенчивости и ласковой усмешки по отношению к самому себе, ко всему тому, что, казалось бы, давно упало ниже плинтуса, а все равно достойно участия, – там трепещет живая душа.

Но Веничка не так прост, чтобы напрашиваться на жалость! И как только читатель ослабленно погружается с головой в повествование, автор начинает сцену за сценой выдавать ему свое суждение над "высоколобым" обществом. Язвительно, тонко, но не желая никого обличать – исключительно по зоркости и меткости глаза!

Приходят и уходят персонажи, безгласные или витийствующие, колоритные или эфемерные, каждый со своей легендой и со своей манерой... потреблять. Сцены одиночества Венички сменяют бурные токовища и диалоги со случайными попутчиками. Поэма при этом не теряет стройности и не расплывается. Прием построения сюжета избран безошибочно, он, как мясо на вертел, нанизан на железнодорожный маршрут, держит колышущуюся ткань поэмы цепко и надежно!

Вот Веничка в тамбуре преодолел с божьей помощью приступ тошноты, вошел в вагон, и публика глянула на него безучастно, круглыми глазами.

"Зато у моего народа – какие глаза! Они постоянно навекате, но – никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла – но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Чтобы ни случилось с моей страной, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий – эти глаза не сморгнут. Им всё божья роса..." – Вот вам образчик мыслей и рассуждений Венички, здесь и ерническое цитирование ставших расхожими постулатов и поучений, и переименование поговорок, и выворачивание смыслов.

У него очень богатая лексика, в которой свободно сплетено высокое с низким, сленг подзаборного бомжа с филологическими изысками. Так может говорить и писать тот, кто на всех языковых этажах гулял свободно и раскованно, сплетая косички рассуждений из всего, что обретаётся под рукой, кто над всем этим ровно на один взмах полета выше! Очень показательная для иллюстрации сцена, как у окошка выпивают двое, один – умный, в коверкотовом пальто, а другой – тупой, в телогрейке. Выпивают и никого не стесняются, рук не заламывают...

"Тупой-тупой выпьет, крикнет и говорит: "А! Хорошо пошла, курва!" А умный-умный выпьет и говорит: "Транс-цен-ден-тально!" И таким праздничным голосом! Тупой-тупой закусывает и говорит: "Закуска у нас сегодня – блеск! Закуска типа "я вас умоляю"! А умный-умный жуёт и говорит: "Да-а-а... Транс-цен-ден-тально!"

А тут Веничка, восхищаясь парой, вплетает свои переживания по поводу того, что он свою деликатность расширил безгранично, и это уже – сфера интимного. Но если вы вздумаете принять всерьёз его откровения, он тут же окатит вас холодненьким: воспоминанием о сильно пьющих сотоварищах с их претензиями. И конца этим пассажирам нет, постоянно надо быть в отстранении и настороже к страдающему... пересмешнику.

Никогда, ни у одного писателя (при моем достаточно солидном читательском опыте) я не встречала такого обращения с авторским багажом культуры. Он не просто ошутит, этот багаж, он свободно и раскованно используется для выразительности и полноты повествования. Онемеешь, когда на три булька или пять глотков обязательно приплетается либо пассаж из симфонии Дворжака и фрагмент из Ференца Листа, либо "Неутешное горе" Крамского и валяющийся в канаве Мусоргский... Ах, какое буйство в пьяных токовищах собутыльников всяких Шиллеров и Манфредов, Каинов и Вертеров, образов и параллельных искажений!

Иногда насмешка сведена до анекдотического уровня, когда баба с выбитыми зубами рассказывает сообществу, за что пострадала. Взявший ее на пушкинскую лирику романтик не вынес постоянного занудства со словами "а детей, ежели они случатся, кто за тебя будет растить – Пушкин?" – вот и получила!

Иногда это просто разгул бессмысленного пьяного нанизывания имен писателей, композиторов, впрочем, всех объединенных одной страстью: "Я читал, я знаю! Отчаянно пили! все честные люди России!" – И в этот момент я вдруг понимаю, что не в романе я все это услышала, а много раз и много раньше до того! И вот это жонглирование цитатами, фразами, именами, ссылками, и эти обобщения, якобы всё сводящие к понятному и низкому, единому для всех греху, вот это выравнивание тех, якобы высших сил, и наших, низменно-родных, близких и понятных.

"Все вы одним мирром мазаны", – сказал не Веничка, а те, над кем он так беззлобно и тонко посмеялся.

Он может себе это позволить, так как сам чувствует искренне, не рядясь в чужие одежды слов, не пытаясь возвыситься, потому как и любовь к женщине, (там в Петушках!) и любовь к умирающему младенцу в нем божественно-человечны, исповедально выражены и трогательны. Больше об этом я не скажу ни слова, дабы не испортить впечатления неудачным выражением, слишком хорошо и свято сказано это в поэме.

Книга странная, небывалая, неожиданная. Я в этот сюрреалистический мир вошла и Веничку услышала. Одно мне неясно: его перевели на 35 языков мира, и неужели те 35 языков смогли стать адекватными нашему ирреальному существованию?

Невольно вспомнился духовный брат Венички Ерофеева. Жил у нас примерно в те же годы советского бытия удивительный художник Анатолий Зверев. Жил и творил в такой же атмосфере, как и Лирический герой поэмы "Москва – Петушки". Шатался от дома к дому, ночевал у друзей и вовсе незнакомых людей, пил и опохмелялся и в уплату за ночлег рисовал – портреты, пейзажи, зверей и птиц. Не было у него при жизни выставок, никаких регалий, на просьбу Третьяковки продать ей свои картины ответил отказом: "Запрут в заказники... пусть лучше на стенке у хорошего человека висит". Он писал свои шедевры, не приходя в сознание, никто не ставил ему рисунок, не преподавал цвет – по наитию божьему они выходили столь оригинальными и непередаваемо прекрасными.

Нашлись любители, которые оценили эти творения, собирали их, позже в Москве на этой основе даже родился частный музей Анатолия Зверева. Я была в нем и на всю жизнь стала поклонницей дивного рисовальщика! Говорят, когда во Франции на выставке Зверева побывал Пабло Пикассо, он сказал, что народ, у которого есть такие художники, не нуждается ни в каких авторитетах. Он велик изначально, по своему внутреннему существу, по способности рождать таких творцов!

Полтора века "Идиота" Достоевского

Сказать, что Читатель прочел этот великолепный роман залпом – погрешить против истины. Его публикация частями началась в январе 1868 года в «Русском вестнике» и продолжалась целый год. С появлением первой же части все были захвачены необыкновенным сюжетом, более чем странными героями и потрясены какой-то сгущенной психологической атмосферой. Читающая публика находилась под сильнейшим обаянием этого романа, только о нем и говорили! (Заметим, что тогда же граф Л.Н.Толстой публиковал роман-эпопею «Война и мир» – ну, ж были времена и авторы!..)

Погружение в роман, таким образом, длилось год, было время и обсудить, и помолчать, и проникнуться идеей, которая многим до самого конца так и осталась непонятной. Так критик Страхов, сравнивая произведение Достоевского с эпосом Толстого, пенял автору "Идиота": "На всем Вашем лежит особенный и резкий колорит, Вы загромождаете Ваши произведения, слишком их усложняете. Если бы ткань Ваших рассказов была проще, они действовали сильнее. Все, что Вы вложили в "Идиота", пропало даром..."

Совет хорош, будь проще – и народ к тебе потянется, слава придет. Но Достоевский не мог ему следовать! Он поставил перед собой необыкновенную задачу. Вот как в письме любимой племяннице Сонечке Ивановой, которой и был посвящен этот роман (двадцатилетней девушке!), автор объяснял свой замысел: "Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение *положительно* прекрасного, – всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж, конечно, есть бесконечное чудо".

Достоевский терзался сомнением, сумеет ли он воплотить свою идею, поймет ли его Читатель, писатель надеялся хотя бы возбудить в нем интерес к образу! И вся переписка с Майковым (Достоевский писал роман за границей и оттуда следил, как воспринимается его публикация читателями) потрясает: он боялся, что роман слаб, что ему не скажут всей правды, и мучился ужасно! Но и отзыв Майкова, и первая критика были восторженные. Улыбнемся тут – Майков заподозрил по первым частям, что Мышкин списан с него!

Скажу главное: Читатель открывал для себя повествование долго, вдумчиво, вживался в роман целый год – и был потрясен пронзительной, фантастической идеей, а вместе с тем – сгущено реалистичной, болезненно психологичной его достоверностью.

Сыграло свою роль и параллельное существование гигантской литературы девятнадцатого века, и реальность, в которой тогдашние современники Достоевского существовали. Они как бы жили там, внутри, и всё-таки были поражены и действием, и героями...

Я жила в другом времени, среди совсем других людей, меня волновали иные проблемы и цели. Но, как это ни странно, я вживалась в роман Достоевского еще дольше – целую жизнь, он претерпевал во мне возрастную трансформацию, и на каждом новом этапе открывал неизведанные пласты и глубины. И так до сих пор.

Немалую роль в этом познании Прекрасного человека играл не только мой (очередной!) возраст и состояние души, но и взгляд на него других весьма неглупых людей. Даже сейчас припомнить это мне очень интересно.

Первое знакомство с героями "Идиота" произошло вообще не на страницах книги.

Я смотрела фильм Ивана Пырьева с Юрием Яковлевым и Юлией Борисовой в главных ролях. Фильм снят в 1958 году (роману – 90 лет), цветной, остросоциальный, в жанре психологической драмы. Мама плакала, у меня глаза лезли на лоб: пачки денег – в камин, горящие

глаза и хохот Юлии Борисовой, сатанинская свита Рогожина, жалкие родственники Гани Иволгина... Мышкина было бесконечно жаль, Настасья Филипповна выглядела сильной, яркой, вокруг нее вершилась вся эта фантазмагория!

Детское восприятие прозорливо. Страдающей стороной оказался актер Яковлев, из-за сильнейшего душевного напряжения и даже расстройства он отказался от дальнейшей работы в роли князя Мышкина. Пырьев не захотел искать другого исполнителя и вторую серию так и не сняли. Но, на мой взгляд, лучше Юлии Борисовой с тех пор так никто и не сыграл неврастеническую, яркую, незаурядную героиню Достоевского, она просто создана для этой роли. Лидия Вележова в сериале наших дней по сравнению с нею просто заурядная кухарка (да простит меня влюбленный в нее зритель!) Через год эта работа Пырьева получила вторую премию на Всесоюзном кинофестивале в Киеве.

В старших классах (где-то в 1965 году) я наконец прочитала роман "Идиот" – в упоении, залпом, в слезах и потрясенных чувствах. С погружением в атмосферу, пониманием героев, густо населяющих роман, я открывала те стародавние времена и страдающих в них Мышкина и Настасью Филипповну, высокой души, прекрасных, необыкновенных героев. Сейчас я думаю, что все же в моей реакции на роман было много от миропонимания советской девочки. Это ни плохо, ни хорошо, это так было.

Когда я поступила на учебу в Ленинградский ВУЗ, меня захватил такой необыкновенный поток высочайшей культуры, что просто ...не высказать. Музеи, концертные залы с классической музыкой и, конечно, театры! Товстоногов, Акимов, Владимиров, ну, что теперь перечислять, это были гиганты мирового масштаба! В то время, чтобы попасть на самые громкие премьеры, мы, студенты, подражались распространять билеты на ...неходовые спектакли. За это нас награждали билетами на великолепнейшие постановки!

Так в 1969 году я попала в Большой драмтеатр (БДТ) на спектакль режиссера Георгия Товстоногова «Идиот». В роли князя Мышкина – Иннокентий Смоктуновский, обожаемый мною после «Гамлета», Рогожина играл Евгений Лебедев, Настасью Филипповну – Эмма Попова.

Тогда я еще не знала по провинциальной своей темноте, что этот спектакль – возобновленный. Его премьера состоялась 31 декабря 1957 года, то есть царствовал он на сцене как раз в юбилейном для романа 1958-м. Спектакль вошёл в «золотой фонд» российского театра и сыграл исключительную роль в судьбе исполнителя главной роли И.Смоктуновского, тогда еще мало кому известного.

Той версии я не видела и сошлюсь на мнение критика А.Смелянского, который писал, что спектакль сразу стал легендой. Замелькали непривычные слова совсем не из театрального ряда: "чудо", "паломничество", "откровение"... Да многие – и театральные критики, и режиссёры, и актёры – называли «Идиота» Товстоногова самым сильным театральным потрясением в своей жизни.

В этой первой редакции Товстоногов не стремился осовременить Достоевского; он перенёс на сцену все черты авторского стиля: и длинные периоды, и частые повторы, и беспорядочные нагромождения слов, – тем не менее, спектакль завораживал. Во многом благодаря игре Смоктуновского, который с первого же появления на сцене убеждал зрителей в том, что Мышкин Достоевского – «такой и другим быть не может». Кирилл Лавров вспоминал сцену в Павловске, когда Настасья Филипповна с Аглаей «делили» Мышкина, а сам он 15 минут молча стоял в углу – и зрители не могли оторвать от него глаз. На этот спектакль люди приезжали со всех концов Советского Союза – слово «паломничество» не было преувеличением. Понятно, что с уходом Смоктуновского из театра "ушел" из репертуара и спектакль.

Весной 1966 года «Идиот», с участием Смоктуновского, был возобновлён для гастролей БДТ в Англии и во Франции. Потом спектакль вернулся в Ленинград, вот эту версию я и видела. Вместо прежних трёх актов их стало два, и внутреннее напряжение возросло. В пер-

вой редакции театр больше дорожил эпохой Достоевского, теперь стремился перенести драму ближе к настоящему времени.. Тот, кто мог сравнивать, отмечал, что облик Смоктуновского изменился за прошедшие годы, в его Мышкине не было прежней «бесплотности», изменились интонации, и сам он уже не казался пришельцем из будущего. Подействовал на него сыгранный Гамлет!

Я сравнивать не могла, просто, как замороженная, слушала и смотрела на совершенно несценических, без театральности и наигранности, героев. Преображение князя – открытого, доверчивого, спешащего детским тенорком подбодрить, поддержать и павшую женщину, и матерого купчину, а потом всё более страдающего от того, что НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ, – происходило прямо на глазах. Я не могла аплодировать, забывала подбирать со щек слезы.

Должна сказать, что ансамбль в том спектакле был необыкновенно силен, Лебедев и Борисов просто не нуждаются в том, чтобы их преподносили, имена говорят сами за себя! Попова в этом окружении могла уже ничего не делать – в отсвете гениев нет посредственностей, а она посредственной и не была.

Да, более сильного прочтения романа Достоевского мне видеть не приходилось. Я снова взялась за роман – читала долго, медленно, задумывалась, писала дневник, горевала вместе с автором о несбыточности прекраснотушних мечтаний князя – всех поднять, в каждом возбудить силы, добро.

Надо бы отметить, что роман экранизировали и ставили в театре много раз и у нас, и за рубежом. В этом ряду особое место занимает телевизионный сериал «Идіють», добротная работа режиссёра Владимира Бортко с Евгением Мироновым в главной роли. Я смотрела его с неослабевающим интересом. Но, признаюсь честно, что эта работа 2003 года особенных открытий не принесла – Миронов очень хорош и убедителен, Машков роль Рогожина проживает роскошно, Лидия Вележева просто не обладает психологической тонкостью, благородной нервностью для такой роли, а вот Инна Чурикова в роли генеральши – настоящее откровение. В любой ипостаси может проявиться незаурядный сценический талант! Хорош Басилашвили – генерал, как всегда убедителен Ильин.

Было и еще одно очень важное проникновение в мир Достоевского и его главного романа – с публикацией в 2011 году книги "Достоевский" Людмилы Сараскиной в серии ЖЗЛ. Книга тонкая, умная, содержательная. Это как раз тот случай, когда с незаурядным и знающим свой предмет человеком интересно поговорить обо всем, даже о хорошо известном. Сразу стало стыдно за свои слова, да разве можно сравнивать мое знание творчества гениального Достоевского – с пониманием и знанием доктора наук, умницы Сараскиной, посвятившей всю жизнь этому автору! Бесконечно благодарна ей за эту книгу.

И под занавес не могу не упомянуть гадких, ернических обращений в великому роману: «Даун Хаус» – современная интерпретация романа от режиссёра Романа Качанова (Россия, 2001) Просто глумление. Выпороть бы Романа, чтобы не придуривал... И спектакль «Князь» в московском театре Ленком режиссера Константина Богомолова – примерно из той же серии. Премьера завершилась грандиозным скандалом, поскольку все действие свелось к пафосу педофилии вокруг картающей девочки Насти. Марк Захаров поспешил снять спектакль, подальше от позора.

Уверена, к великому произведению эта грязь не пристанет. Главное – не начинать знакомство с князем Мышкиным через таких посредников! Путь к истинному произведению искусства многотруден, и как же хорошо, когда есть на этом пути умные сотоварищи и тонкие ценители.

Приговор Клиффорда Саймака

С этим американцем случилось то же, что и с пианистом Ваном Клиберном: на русской земле его фамилию переврали. Пианиста следует именовать Вэном Клайберном, а фантаста – Клиффордом Симаком. Но русские полюбили безоглядно как Ваню, так и Клиффа; а уж про меня и говорить нечего! Бережно храню коробку с виниловыми пластинками Клайберна пианиста, и с давних пор собираю всё, что переведено на русский и издано фантаста Симака.

Как это ни странно, но он силен драматической, пронзительной нотой отрицания, которая исподволь звучит буквально во всех его произведениях. Он разуверился в человеческой цивилизации и он, фантаст, заглянувший глубоко на тысячелетия вперед, отказал человечеству в будущем. Человек, как мыслящая единица – да, человечество, как коллективный разум – нет. Вот как сам Клиффорд в предисловии к самому своему популярному произведению "Город" объясняет свою позицию:

"Кто-то назвал этот сборник "обвинительным актом человечеству"; такое определение не приходило мне в голову, когда я писал рассказы, но я с ним согласен – и считаю, что у меня были и есть причины предъявить человечеству обвинительный акт. А в то время я не раз говорил друзьям, что населил свою Землю псами и роботами оттого, что потерял веру в человечество, в его способность жить в мире. Приговор, конечно, суровый, и, казалось бы, теперь, по происшествии стольких лет, я мог бы его смягчить. Но, честно говоря, не вижу оснований".

С тех пор, как написаны эти строки, прошло полвека, Клиффорда Саймака уже нет в живых, а я готова вслед за ним повторить это безысходное "не вижу оснований". Потому что коллективный человеческий разум раздраем в противоречиях, безумных конвульсиях междоусобных войн, зарастает мусором в буквальном и переносном смысле, а конца этому, какого-то поворота к диалогу (я уж не говорю о гармонии в отношениях разных конгломераций этой цивилизации!) как не было, так и нет.

Поэтому с годами произведения Клиффорда Саймака, как выстоявшийся коньяк, становятся все крепче, прошибают мозги горечью и безысходностью... Но, разумеется, не приносят никому отрезвления! И когда бы человечество слушало своих пророков!

А уж напроорочил нам фантаст – будь здоров! В самых разных его произведениях тема безысходности и обреченности звучит совершенно определенно, как приговор: люди покинули Землю и рассыпались в пространстве Вселенной! Да, иногда они встречаются, вступают в какие-то творческие или деловые взаимоотношения, проявляют лучшие свои качества, но все это – индивидуально.

"Город", с которого я начала разговор, самый ранний и показательный тому пример. Ушли с Земли мутанты, ярые индивидуалисты по своей природе и наиболее продвинутые по биологической сути. Бежали за долголетием и счастливым ничегонеделанием обыватели на Юпитер, отказавшись при этом и от человеческого облика. Разлетелись по разным планетам любители приключений. И на Земле воцарилась эра Собак и обслуживающих их роботов. Да! И еще муравьи, которые тоже при помощи роботов строят немыслимое и...бессмысленное Здание. Все они в той или иной мере подражают людям, но правит бал здесь уже не человек. Более ядовитой насмешки над человечеством и не придумать.

Писатель усугубил впечатление предисловиями, каждое из которых предваряет очередной рассказ. В них собаки глубокомысленно рассуждают, а какой может быть заложен смысл в этом предании? А был ли человек на самом деле, или это сказочный вымышленный персонаж, вроде...бога? Всё, как у наших ученых, когда они размышляют над какими-то необъяснимыми явлениями или артефактами, уцелевшими с достопамятных времен! Должна признаться, что

эти предисловия для меня – как пикантная приправа, придающая особый вкус и каждому рассказу в отдельности, и всему сборнику в целом. Хорошо придумано!

В романе "Проект "Ватикан" на планете Харизма главными будут уже не собаки, а роботы. Их сюда загнала последовательная идея походить на своих прародителей – людей, и, следовательно, восполнить в своем житие-бытие недостающее звено: обзавестись, наконец, религией. Если у них, роботов, нет любви, так должна быть, по крайней мере, Вера! И вот сообщество роботов осуществляет проект "Ватикан", – отыскивает по всей Вселенной образчики религий и пытается скомпоновать нечто свое, идеальное. Ну, и как у роботов заведено, в дело включен мощный компьютер Папа, в который они непрерывно загружают новые сведения.

Да, люди здесь есть, они почти равноправные действующие лица, одни превосходят роботов, как программист Экайер, увлеченно работающий с Папой, другие просто обслуживают их, третьи, вроде отшельника Декера, в силу немыслимой развитости, общаются с потусторонними силами.

Сюжет построен увлекательно, но, подчеркиваю, роботы объединены в сообщество идей, люди же действуют в силу индивидуальных побуждений, они разобщены и контактируют случайно. И в этом романе Клиффорд Саймак насмешливо проводит аналогии между обществом людей в прошлом и роботов – в будущем, которые способны на религиозные бунты фанатиков. Большой пересмешник...

Иногда в этой способности посмеяться над человеческой цивилизацией он заходит так далеко, что, читая, плакать хочется. Таков его "Могильник", в котором Земле отводится роль... вселенского кладбища. Знаете, это сентиментальное и многократно повторяемое: "Хочу быть погребенным в родной земле" в данном произведении звучит буквально, как желание заблудших сынов человечества быть похороненным непременно на Земле! И на этом строится бизнес. Вот и всё, что остается нашей прекрасной планете.

Отказывая в своих произведениях человечеству в будущем, Клиффорд не перестает любить людей, как бы парадоксально это ни звучало. Все его герои (не роботы, псы или гоблины, а именно люди!) обладают прекрасными качествами: они отважны, предприимчивы, умеют любить, быть самоотверженными, честными и красивыми. Иначе чего бы стоили его человеконенавистнические романы!

И еще Саймак очень любит все, как бы сейчас сказали, традиционные ценности: труд на земле, дом, семью, камин и выпивку. Пусть даже ее подает робот. И самые проникновенные страницы в его романах и рассказах связаны как раз с этим. А еще с великолепно написанными пейзажами. Земными. И как человек смог предать ее, Землю, и навсегда покинуть? Немыслимо!

...В романе Саймака «Проект «Ватикан» есть прелестный персонаж – Шептун, некое местное существо на планете Харизма, облачко из молекул, светящейся пыли. Увидев, что землянин ищет и собирает драгоценные камни, он помогает ему в этом и даже иногда занимается их шлифовкой. Но при этом он не следует ювелирным правилам и образцам, а вглядывается, вдумывается в каждый камушек, не задает ему новую форму, а любитесь той, которую камень имеет. Шлифует до блеска, выявляя природную индивидуальность. Это ни на что не похоже, но это – неповторимо, в этом – истинная красота!

Может быть, здесь намек фантаста на путь самоусовершенствования Человека?

Иван Флягин, русский богатырь

Иван Северьянович Флягин, главный герой рассказа "Очарованный странник" в самом начале представлен автором как богатырь-черноризец, по обличью схожий с Ильей Муромцем. "Это был человек огромного роста с смуглым открытым лицом и густыми волнистыми волосами свинцового цвета: так странно отливала его проседь", – пишет Лесков. Он был одет как монах, но "держался смело, самоуверенно" и производил впечатление бывалого.

Скучающим путешественникам готовность странника к открытой и прямо исповедальной беседе была очень кстати. Но современному читателю непросто понять, что же такого героического в этом монахе. Да, правда, вся его жизнь – ряд непрерывных приключений в странствии по российским городам и весям, татарским степям и даже горам Кавказа. Но движет им не поиск подвига или защиты Отечества, а слепой и часто нелепый случай.

Так в 11-летнем возрасте он ударом кнута почти случайно убивает монашка, воз сена которого оказался на дороге графа. Потом почти так же нечаянно, импульсивно, спасает графа от гибели, рискуя собственной жизнью. Когда у экипажа, который несся под гору, лопнул тормоз, мальчишка, кинувшись на дышло, своим весом остановил на краю пропасти коней. Но в те годы он был еще настолько бестолковым, что даже награду себе попросить не сумел, а ведь мог бы рассчитывать на вольную! Позже, когда защищая голубят, расправился с кошкой, и в наказание был отлучен от любимых коней, он узнал, что значит быть крепостным. Его отправили дробить камень для садовых дорожек, и настолько это для души Ивана было тягостно, что он даже решился и на воровство коней для цыган, и на побег от своих хозяев.

Все в этой юной жизни вперемишку – подвиги, преступления, искушения и спасители, все неосознанно и бестолково. Наверное, этим писатель хотел, прежде всего, честно отобразить правду жизни. Действительно, какой осмысленности и целенаправленности можно ждать от мальчишки, который вырос на конюшне, ползая под копытами, не зная никакого учения, да и просто направляющей материнской руки и ласки?

Правда, в отношении к лошадям с самого юного возраста проявляются наилучшие качества Ивана Флягина. Укрощая коней, руководя ими, ухаживая за ними, он проникается психологией животных, понимает их, тонко чувствует. В этом видна и его сила, и почти сверхъестественная власть над конем, и умение поставить эту силу на службу отечеству – тут он конечно русский богатырь!

Но разве это и все достоинство Ивана Флягина? За что еще его ценили люди, с которыми парня сталкивала жизнь? А они Ивана, случайно повстречавшегося на житейской дороге, умели оценить сразу же и очень точно. Его, беспаспортного бродягу, берет в няньки к младенцу барин, безоговорочно поверивший в доброту Ивана. И он в нем не ошибся. Бестолковый подросток преданно выхаживает младенца, на первых порах ни за какие деньги не соглашается отдать дитя даже беглой родной матери. Но как только убеждается, что ею и ее новым избранником движут добрые чувства – и ребенка отдает, и сам с ними уходит. Снова в бега!

Потом уникальную проницательность, выдержку и самоотверженность Ивана оценят татары, которые видели, как он сам вызвался вместо своего нового хозяина пороться нагайками. После того, как он азиата-соискателя на владение красивейшим конем, заперол до смерти и чуть было не попал за это под суд, ему пришлось бежать с татарами в их степи. Удерживали они пленника десять лет, самым изуверским образом испортивши ему ноги. А он татар лечил, жил с ними, тоскуя по Родине. И нашел в себе силу, проявив смекалку, смог все-таки бежать из плена.

Он возвращается на родину и старый граф (обязанный Ивану жизнью), выпоров его основательно, все же отдает Флягину паспорт и отпускает его на оброк. Чем же занялся наш герой? Он помогает простым мужикам покупать коней, разоблачая вороватых цыган во всех их фоку-

сах. Слава его гремит по ярмаркам, и благодаря своему уникальному умению понимать коней и своей беспредельной честности, он поступает на службу к князю конэсером – выбирать при покупке лучших коней, без изъяна. Служит преданно и честно, иной раз спасая князя от его же собственных пороков – пьянства и пристрастия к азартным играм.

Все, что мы теперь отмечаем в судьбе Ивана Флягина, конечно не ратные подвиги на поле брани. Это шаги на пути к духовному совершенству. Он нечаянно попадает в разнообразные житейские коллизии, но безошибочно выходит из всех испытаний, правильно делая нравственный выбор, совершая, таким образом, духовный подвиг. А это особенно трудно, потому что он делает выбор самостоятельно, безо всякого понуждения, единственно по своему естеству, как русский верующий в Бога человек. Им руководит нравственный закон изнутри и никакие обстоятельства не заставят Ивана свернуть с этого праведного пути.

Вот, казалось бы, он оступился и сошел с праведной дороги: под воздействием мошенника-магнетизера Флягин пропивает и бросает под ноги красавице-цыганке деньги, доверенные ему хозяином. И единственное ему в том оправдание, что он, молодой совсем человек, наконец, проник, что такое "красота – природы совершенство, за которую и погибнуть... даже радость!" Князь, который оступился на той же дорожке и выбросил за ту же цыганку Грушу аж пятьдесят тысяч, Ивана понял и простил: "Ты артист, как и я!", другими словами – вдохновенный, восторженный человек и достоин уважения. Но что происходит дальше? Князь быстро выдохся, Груше изменил и выкинул ее, как надоевшую вещь. А Иван Северьяныч в своем обожании поднялся до глубокой преданности и братской любви к униженной женщине, до понимания, что для Груши смерть в этой ситуации – единственный достойный выход. Что это, преступление или еще один нравственный подвиг?

Вопрос этот решить не под силу самому богатырю. "...И ничего у меня на душе нет, ни чувства, ни определения, что мне делать; а думаю только одно, что Грушина душа теперь погибшая и моя обязанность за нее отстрадать и ее из ада выручить. А как это сделать – не знаю и об этом тоскую". Как мы видим, взрослый человек уже сознательно, а не интуитивно ищет нравственного искупления за поступки, в которых вроде бы даже не он виноват, а скорее его хозяин. Но он причастен – и считает себя виновным.

Жизнь ему дает шанс на искупление, и он уходит вместо сына престарелых родителей в солдаты, оказывается на Кавказе. И вот здесь он совершает ратный подвиг (наверное, единственный в истории этого богатыря), наведя переправу под огнем противника. Его представляют к званию и к награде, а он, еще раз показав себя честнейшим и искренним человеком, объясняет, что нельзя его награждать, так как он – убийца. Начальство наводит справки и (вот оно, чудо!) все, что говорит герой, не подтверждается. Его не ищут как преступника и ни в чем не обвиняют.

Он свободен. Пытается ради хлеба насущного в балаганчике артистом играть, но лживое ремесло совсем не по нему. Но и тут, в этом вертепе, жизнь дает ему возможность проявить себя: защитить "фею", слабое существо, от домогательств и преследования. Неважно, что дальнейшая судьба этой артисточки неясна и, скорее всего, печальна, Иван об этом не думает, он поступает как должно, а дальше – пусть все будет, как будет. Он живет по христианской морали, которая в его душе угнездилась органично и просто, не надуманно и вымученно.

Поэтому по определению Николая Семеновича Лескова он – праведник, живет так, как велит нравственный закон, не ожидая за это награды или воздаяния. Он и умереть желает, как русский богатырь. На вопрос «Разве вы и сами собираетесь идти воевать?» Флягин твердо отвечает: «Непременно-с: мне за народ очень помереть хочется». И в искренность этих слов веришь безоговорочно, он ведь был абсолютно честен всю свою нелегкую жизнь, во всех испытаниях.

Почему Николай Семенович задался целью создать целую галерею героев-праведников? Сам он в предисловии к сборнику рассказов «Праведники» объясняет это столкновением с

коллегой-писателем (А.Ф. Писемским), который в окружающем мире видит одни гадости и презирает свою родину.

«Как, – думал я, – неужто, в самом деле, ни в моей, ни в его и ни в чьей иной русской душе не видать ничего, кроме дряни? Неужто все доброе и хорошее... одна выдумка и вздор? Это не только грустно, это страшно. Если без трех праведных, по народному верованию, не стоит ни один город, то как же устоять целой земле с одной дрянью, которая живет в моей и твоей душе, мой читатель?»

Писатель стал искать праведников, но все, с кем он говорил на эту тему, признавались, что и они праведников не встречали, потому что все люди грешные. Но хорошие люди им все-таки встречались... Так он и стал записывать эти рассказы, чтобы после «разобрать, что тут возвышается над чертою простой нравственности и потому «свято господу». Все это очень показательно, как отклик противостояния славянофилов и западников, которые презирали и огульно осуждали все русское, поклоняясь Западу. Эти либералы в свое время за критику «новых людей», нигилистов, которая ярко проявилась в произведениях Лескова, устроили целый заговор замалчивания всего творчества самобытнейшего писателя. У Лескова практически не было никакого отклика на его произведения, его как бы вычеркнули из общественной жизни.

И только Максим Горький уже на рубеже веков напишет: «После злого романа «На ножах» литературное творчество Лескова сразу становится яркой живописью, или, скорее, иконописью, – он начинает создавать для России иконостас ее святых и праведников. Он как бы поставил себе целью ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством. В душе этого человека странно соединялись уверенность и сомнение, идеализм и скептицизм». Наверное, только в таком смешении и рождается правда жизни!

Произведение «Очарованный странник», на мой взгляд, очень актуально. История повторяется в наши дни. Либералы поносят свою родину, народ обзывают «быдлом», преклоняясь перед Западом. А ведь и сегодня в жизни есть место нравственным подвигам, есть свои праведники. Надо по примеру Лескова только уметь их увидеть и оценить, чтобы не презирать свой народ и любить свое Отечество.

"Тобол" – исторический роман на злобу дня

Двухтомный роман-пеплум Алексея Иванова «Тобол» – грандиозное полотно на полторы тысячи страниц. Поначалу он прямо-таки оглушает читателя обилием исторических, географических, этнографических фактов, названий, имен... Надо проявить незаурядную читательскую выдержку и упрямство, и постепенно начинают вырисовываться держащие сюжетные линии, главные герои, подоплека конфликтов, их развитие и хитросплетения. Если сказать просто, эта книга – о заселении присоединенных земель Сибири, богатство коих во времена Петра Первого еще не было в полной мере осознано, недра – не изучены, реки, озера, горы и леса не нанесены на карты.

В романе, между прочим, целая детективная история с рождением Карты, особая сюжетная линия, в которую вплетены и шпионские происки шведов, и наивные хитрости остяков, отмечающих путь к своим становищам особыми лесными пометками, и устремленность русских талантливых художников-самородков, кропотливо заносивших все географические сведения в свои книги. По этим разнородным и не имеющим единого масштаба свидетельствам можно было скорее заблудиться, чем отыскать нужный объект. Да и что там, в глухой бескрайней тайге можно было отыскать? Пушнина и золото, какое еще может быть богатство в те стародавние времена. А к ним ходят особыми тропами...

И вот в эту дикую глушь, за известными и еще неизведанными богатствами, государство отправляет преступников и раскольников, пленных шведов и чиновных людей, воинские подразделения и ученых мужей. Самотеком являются монгольские орды, русские разбойничьи шайки, китайские воинские отряды и бог знает кто еще! В этом плавильном котле оказываются смиренные остяки и манси, хитрые торгаши-бухарцы, немцы, христианские миссионеры...

Все они молятся своим богам, у каждого свой личностный интерес в этом диком и плохо управляемом из центра удаленном крае. Царь Петр жаждет от Сибири прибыли, шлет туда управителей и ревизоров, но все они неизбежно пропадают там, как в Бермудах... То есть не физически, а просто уходят в отрыв от государства и его интересов, каждый преследуя свою личную корысть.

Невольно вспоминается хорошо нами усвоенное: "Прежде думай о Родине, а потом о себе". В противовес этому постулату либералы сегодня провозглашают приоритет индивидуума, здоровый эгоизм! Вот и в романе Иванова главенствует этот принцип. Губернатор Гагарин затекает предательскую игру с Китаем, дабы обеспечить себе торговый интерес мимо государственной казны. Воинские подразделения грабят охотников-остяков, разоряя их селения. Чиновники всех уровней и ведомств берут взятки, а ревизор грабит их...

Все очень колоритно, все как-то очень знакомо, правда, больше крови, грязи, варварства, чем в нынешних временах. На всех уровнях. Даже царь Петр, несущий стране просвещение, присутствует на пытках губернатора-казнокрада и взирает на них с таким же жадным удовлетворением, как монгольский хан на истязание пленных русичей. Страшная книга. Особенно в свете современных реалий, по ее странной соотносимости с бедствиями России.

Казалось бы, при нынешних средствах коммуникации, транспортных возможностях и мобильности власти, контроль государства над происходящим в отдаленных регионах в XXI веке должен быть. Но положение с грабительской вырубкой лесов, контрабандой природных богатств, да просто с воровством бюджетных средств чуть ли не на всех строящихся объектах – мостах, дорогах, даже космодрома "Восточный" – поражает воображение. Тайгу чуть ли не под корень вырубили, действует безнаказанно хорошо организованная и вооруженная армия грабителей-контрабандистов, никакому ГУЛАГУ с нею не сравниться по жестокости и эффективности – и все это под крышеванием местных властей!

Приоритет индивидуума, эгоистичного обогащения установлен в наше время заново, и сахалинский губернатор Хорошавин, коррупционер и вор, уже выглядит современником и братом по крови Матвея Гагарина, что правил в восемнадцатом веке в Тоболе. Неужели 300 лет для истории, для нравственного прогресса человеческой породы – не срок?

Горько, но, как и в стародавние времена, мечта создателя, строителя встречает на своем пути непреодолимые преграды. Герой романа архитектор Семен Ремезов, который одержим мечтой построить в Тоболе кремль и храм необыкновенной красоты, должен ловчить, угождать, суметь понравиться губернатору, дабы приступить к строительству. Чертежи, земляные работы, материал не абы какой... семейные неурядицы и трагедии, – за этой эпопеей следишь с неослабевающим вниманием и сопереживанием. И осознаешь, что реализация высокой мечты в этом романе – главная держащая его нить. Да будет мне позволительна эта аналогия – долгая дорога Семена Ремезова к Храму освещает весь окружающий его хаос с бедственным и несправедливым бытованием людей. С пониманием и снисхождением мы оцениваем и прощаем им невольные прегрешения. Они к этому Храму обратятся, есть надежда. Ведь архитектор добивается реализации своей мечты, это и современному творцу наука!

Неожиданно современной предстает в романе и любовь, выразительно прописанные любовные сюжеты поражают в этом историческом повествовании, пожалуй, больше всего. Может быть, как раз из-за того, что слишком разные в этот дикий край попадают люди, разных верований и житейского уклада, – нет единого свода правил для их бытования, (как, предположим, в викторианскую эпоху в Англии). Поэтому и любовь расцветает не зашорено, свободно. Все любовные истории в "Тоболе" потрясают внутренней правдой и психологизмом, женской раскрепощенностью.

...Остяк продает Айкони, одну из дочек-близняшек, юную, чистую, талантливо сведущую шаманскому искусству, русским воякам. То, что она переживает, невозможно даже представить. Но переживает, как зверушка, которая пока жива – живет, унижения и насилие ожесточают, но не убивают в ней душу, тягу к любви. На невольничьем рынке ее выкупает семья Ремезовых, добрых хороших людей. Отмыли, приодели, накормили. Нечаянно она встречается в этом доме пленного шведа Табберта, который из уважения к хозяевам погладил по головке служанку – и тут же в ответ на жест вспыхивает страстная любовь... И она, на взгляд этого европейца – варварка, оказывается выше его, честнее и чище в своей безоглядной любви. Она даже дом своих хозяев и благодетелей ради него поджигает, уносит для него ту самую ценную карту. Ничего нет выше такой страсти! А он, просто удовлетворяющий физиологические потребности, вызывает у читателя брезгливое презрение. И у Айкони в конце концов – тоже. Трансформация чувств у женщины таких далеких времен, в такой глухомани, не просто потрясает, благодаря мастерству писателя, этому преображению веришь.

В этом романе много историй безответной любви, но тот, кто любит, в силу своей безоглядной и самоотверженной преданности, вызывает восхищение. Это может быть и сосланный в Сибирь шляхтич, и старшая жена в гареме бухарца, и "таежный тюльпан", трогательная девочка-остячка. Не будь этих историй, роман потерял бы большую долю своей привлекательности и жизненной убедительности. А всерьез рассказанные чудеса, которые творят таежные духи и боги, верь в них или не верь, придают повествованию особый колорит и новую художественную окраску.

Кстати, это очень характерно вообще для романов Алексея Иванова. Он свободно вводит в повествование элементы фэнтези, и современный читатель в силу достаточного образовательного уровня так же легко распознает сказку и быль, они друг другу и ему не мешают. И читабельность, привлекательность сложной эпопеи, благодаря этому сказочному элементу, повышается.

Очень сильно впечатляет перенаселенность диких северных территорий, – какими они предстают в живописных романах Иванова. Оказывается, не только советские вожди ссылали

в те края каторжан по всем уголовным и политическим статьям. Эта практика существовала в государстве ровно столько, сколько оно существовало, во все времена! И оно озадачено этим до сих пор – иначе, что означает инициатива сегодняшних властей оделить всех желающих дальневосточным гектаром? Так и хочется размазать, как масло по бутерброду, имеющееся население по всей необъятной территории! У ближних соседей Сибири людских ресурсов явно больше, и они потихоньку перетекают на российские богатые земли. Как с этим быть?

Даже в стародавние времена ясно было, что северные территории – богатство, которым следует дорожить. Помните утверждение Ломоносова, что "Российское могущество будет прирастать Сибирью"? А уж после проведенной в советское время повсеместной геологоразведки – это и вовсе аксиома! И как же это богатство удержать, чтобы не уплыло в чужие руки? Охотников-то до него немало!

Иванов в "Тоболе" рассказывает о строительстве крепостей, храмов, о миссионерском насильственном движении. Явных и скорых плодов эта мера не дает, но для тех времен это – действенный путь. К нему возвращаться, крепить государство православием в нашей по-прежнему многоконфессиональной стране? Или утверждать, что Россия – страна православная с религиозными меньшинствами и малыми верованиями? И этот вопрос оказывается актуальным!

Проблематика романа многогранна: вопросы нравственности, соотношения добра и зла, власти и подчинения, гражданского самосознания и предательства, ответственности за свое дело перед вечностью – и сиюминутными расчетами. Роман огромен даже не по размерам, а по содержанию, осмыслить его и воспринять не так-то просто.

Но я категорически не согласна с критиками, которые обвиняют Иванова в том, что он просто вывалил на читателя массу фактов, событий, героев. Да, архитектура его произведения сложна, требует вдумчивого постижения, но обретенное в результате богатство того стоит.

Есть произведения, к которым не худо возвращаться и по мере собственного созревания. Книга ведь пишется не только для развлечения, но и для умственной работы. Иванов в своем романе – пеплуме "Тобол" дает для этого хорошую пищу.

"Повелитель мух" Голдинга и Толпа

«Чудище обло, озёрно, огромно, стозёвно и лаяй» – и это – ТОЛПА!

Мне она внушает ужас. Если нормальному разумному человеку никогда не придет в голову бить витрины и крушить автомобили, поджигать дома и топтать все живое, то в толпе он может проделать всё это вдохновенно, на подъеме, ужасаясь и восхищаясь тем, что творит. Потому что в толпе силы умножаются многократно, а разум, чувство ответственности, отсутствуют напрочь. Или они делегированы некому объединяющему началу: я – как все! Толпа – великая разрушительная сила и никогда не бывает созидательной.

Во все времена на нее опирались лихоимцы, чтобы сместить власть. Давеча я полистала "Жизнь двенадцати цезарей" Светония, очень поучительное и увлекательное чтение! Хотя многие из императоров и утверждали, что власти своей обязаны родству с богами, на самом деле они добивались ее при помощи умело сведенной с ума толпы. (Напомню, Гай Светоний Транквилл писал о современниках, и было это ровно две тысячи лет тому назад). Прием многократно опробован, тысячекратно использован и пользуется популярностью поныне, в революциях, которые называются "цветными", и которые вроде как бы изобретение нашего времени.

Ничего подобного, бессовестный плагиат!

Технология эта – стара, как человеческая цивилизация! Революцию и порыв толпы то воспевали, как неизбежный инструмент обновления государства, то обличали и предавали анафеме, как дикую разрушительную силу. Изменилось только одно: если раньше романтически настроенные юноши готовы были поднять толпу на бой с собственным государством, то ныне умудренные жизнью мужи используют эту дьявольскую силу на чужой территории, якобы для борьбы с тиранией... Но толпа – как орудие – должна быть местной, так сказать, из аборигенов.

На своей территории с толпой расправляются грамотно и продумано: существует целая наука, как ее охладить из водометов, рассеять с дымом, разделить на потоки, усмирить дубинками и резиновыми пулями. Работает безотказно.

У организаторов появились тоже вполне современные средства, как толпу собрать, настроить, вооружить лозунгами и оружием, обеспечить средствами гласности, умножить ее убийственную разрушительную силу, стимулировать...

Все приемы старые, как мир: многоголовой гидре надо хлеба и зрелищ, идею для порыва и слоганы! Результат обеспечен. Чуть не сказала – положительный! Но он всегда негативный...

С чего вдруг я о страшной и разрушительной силе толпы?

Свою самую первую книгу английский современный классик и великий пессимист в оценке Человека Уильям Голдинг написал именно об этом. Очень важно знать, как это произошло.

Он родился в 1911 году в семье учителя. Окончил Оксфорд, преподавал английский язык и философию. Немного актерствовал, немного баловался стихами, в свое время женился. В годы войны служил во флоте, был даже награжден. Всё очень благопристойно! И, будучи уже вовсе не молодым человеком, вдруг написал роман. Вот как он сам об этом повествует:

"В 1953 году я сказал жене ...неплохая была бы идея – написать книгу о детях на необитаемом острове, о том, какой кавардак они бы там устроили... Она ответила: "Почему была бы? Это уже неплохая идея!" Тогда я сел и написал "Повелителя мух".

Два десятка издателей роман отвергли. Идея была на грани фола: как я понимаю, получилась социальная сатира на сообщество людей, но дабы показать, что человек изначально, по своей природе, а не по каким-то социальным причинам, порочен, Голдинг и взял для эксперимента детей, поселив их на необитаемый остров. Детей от самых маленьких, едва умеющих говорить, до подростков, в количестве достаточном, чтобы делиться на группы, враждующие сообщества, выделять из своей среды вождей и формировать подчиненных.

Нет в этом романе абсолютно никаких обоснованных реалий: какая-то немыслимая катастрофа, в результате которой весь этот разновозрастной контингент оказался без единого взрослого на острове посреди океана. И никто не помнит, как это случилось! Разбрелись по лесу, нашли ручьи для питья, фрукты для еды, позже – кабанчиков для охоты и жарки мяса. Выделились какие-то разумные лидеры, определили главную задачу: нужен непременно постоянно дымящий костер, чтобы нас увидели и спасли; нужно для этого дежурство; нужны шалаши от непогоды; какие-то правила поведения. Символ власти – выловленная роскошная ракушка-рог, по звуку которой созывается собрание, выступает тот, кому ее передали в руки.

И весь этот разумно проговоренный порядок расплзается на глазах. Строить, собирать дрова, дежурить – так неинтересно, трудно и скучно. Играть, купаться, озорничать, обследовать остров – так увлекательно! И тот, кто первым сумел УБИТЬ кабана, преодолев детскую робость, сам ел мясо и другим дал кусок, увлек игрой в дикарей, разумеется, стал Вождем! А чтобы закрепить власть и подчинение, под хоровые речевки, с громом и блеском молний, организовал первое убийство одного из детей. Того, у которого сияние в глазах, готовность рисковать собой ради всех, ради того, чтобы понять, что там за угроза на горе, где пылал сигнальный костер?

А потом совершилось и второе убийство... Поодиночке они боялись смотреть друг на друга и признаваться в том, что произошло, но хором продолжали славить вождя, гнать по лесу неугодных ему особей, кидая прицельно копье... За кусок мяса, за увлеченность игрой, за единение в страшном неуютном мире. Маленькие английские джентльмены, скинувшие вместе с одеждой и минимальное представление о том, каким должен быть человек. В отличие от зверя.

Читать все это невероятно страшно. Это – не детская история. Это – мы с вами.

Книга небольшая по объему, Голдинг нашел очень простой выход из страшного эксперимента: к острову подходит крейсер и взрослый человек, офицер в белой фуражке с золотыми короной, якорем и листами подхватывает преследуемого мальчика. Догоняющие полукругом встали поодаль. Вовремя – убитых только двое.

"Доигрались?" – спрашивает взрослый. "Ребенка надлежало срочно помыть, постричь, утереть ему нос, смазать, как следует, ссадины".

В этом романе нашлась некая высшая сила, которая прервет безумие и наведет порядок. А в мире взрослых? Нет такой силы. Во всяком случае, до сих пор она себя не проявляла, и толпа под водительством разного толка вождей правит дикий бал. Цезари без нее – ничто, и она без страшной идеи – безгласна и неподвижна. А в соединении!..

После того, как роман "Повелитель мух" опубликовали, он моментально стал бестселлером, экранизирован, переведен на многие языки. Увлекательно! А на самом деле – страшно. Страшно еще и потому, что в литературе нет ничего поучительного, а если она и учит – то вот как раз тому, как свести толпу с ума и повести ее на погромы. А зачем она еще нужна?

В завершение несколько слов об этом эпиграфе «Чудище обло, озёрно, огро́мно, сто-зёвно и ла́йя» – к книге Александра Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву". Он взял его из поэмы "Телемахида" Василия Тредиаковского, несколько видоизменив, в его трактовке фраза означает: «Чудовище тучное, гнусное (либо грубое), огромное, со ста пастями и лающее». – Радищеву хотелось представить в таком неприглядном виде государство, власть. У Тредиаковского поэма родилась не на пустом месте: так он в стихах перевел прозаический роман "Приключения Телемака" французского писателя Франсуа Фенелона. И чудище это было трехголовый пес Цербер.

Вот такая трансформация во времени и в литературе. Но я-то думаю, что нет ничего страшнее спровоцированной и неуправляемой толпы, для моей трактовки эпиграф Радищева изменять не надо! Куда там Церберу...

Идеальная пьеса Оскара Уайльда

Оскар Фінгал О'Флэрти Уиллс Уайльд, ирландский писатель и поэт, родился в Дублине в 1854 году, а умер в 1900 -м, в Париже. Мы знаем его как драматурга позднего Викторианского периода, представителя эстетизма и европейского модернизма. Парадоксальное мышление, острый язык и ...нетрадиционная сексуальная ориентация сделали его известным не только в литературном мире. Можно заметить, что судьба его отчасти перекликается с судьбой великого Чехова: жил примерно в то же время, рожден в Таганроге в 1860 году, умер за рубежом в 1904-м. Просто Антон Павлович на несколько лет...сдвинулся во временном пространстве, на излете лет женился на красавице-актерке и стал не в пример Оскару знаменитым. А так – те же сорок с небольшим лет жизни и литературного творчества.

Уайльд в последние годы жизни отметил драматургическим шедевром: пьесой, в которой идеально закручена тугая спираль интриги, общественно значимые главные герои и обаятельные – второстепенные, прекрасная возможность блеснуть костюмерам и декораторам... А уж диалоги, репризы! – Похлеще грибоедовских, что ни фраза – то афоризм!

Соответственно и название – "Идеальный муж", иронично в двойном толковании, и как государственный деятель, и как супруг.

Сюжет разворачивается стремительно: на светский раут к преуспевающему госчиновнику является дама, только что прибывшая в Лондон из Вены. Цель у миссис Чивли одна: вынудить чиновника высказаться на заседании парламента от правительства в пользу предполагаемого Аргентинского канала, чтобы его акции взлетели до небес и она на этом хорошо подзаработала. А чтобы он был поговорчивее, она сообщает ему, что располагает письмом, в котором он, Роберт Чилтерн, выдал за солидное вознаграждение биржевому спекулянту инсайдерскую информацию о строительстве Суэцкого канала. Если это письмо станет достоянием общественности – карьере Роберта конец. Вокруг этой интриги и крутится всё действие.

Комедия опубликована буквально за год до смерти автора, но еще до публикации в январе 1895 года была с успехом представлена в лондонском театре Хаймаркет. Позже эта пьеса неоднократно была экранизирована – благо, материал просто роскошный! Чтобы иметь представление о том, как ее прочитывали чаще всего, достаточно посмотреть британскую экранизацию 1947 года. Высший свет со всеми его роскошными атрибутами: дворцовые интерьеры, оранжереи, конные выезды и гуляния, головокружительные дамские туалеты, а уж сами дамы – сплошь красавицы!

Всё это великолепие произведено на киностудии London Film Productions, режиссер – Александр Корда. Прекрасный актерский состав: С. Обри Смит, Полетт Годдар, Констанс Колльер, Хью Уильямс, Майкл Медуин, Майкл Уайлдинг, Диана Виньяр, Глинис Джонс, Кристин Норден, Харриэтт Джонс. Снято, как и написано, в хорошем темпе, идет всего полтора часа, и в финале зритель, как и главные герои, радуется, что интриганку миссис Чивли удалось обезоружить, и сэр Роберт Чилтерн, баронет, товарищ министра иностранных дел, вновь на коне!

Должна признаться, что Анна Каменкова, дублируя текст на русском, должна разделить тот давний успех с англичанами, настолько выразителен и бесподобно очарователен ее голос!

Буквально через два года после отгремевшей Великой Отечественной войны советскому зрителю, разумеется, было не до этих изысков и очаровашек, фильм до нас дошел много позже. Я так вообще фильм, родившийся в один год со мной, посмотрела недавно, в Интернете, благо, есть теперь такая возможность.

Спустя полвека англичане освежили экранизацию: в 1999 году "Идеального мужа" снял режиссёр Оливер Паркер, он же – сценарист. Тот же каскад роскошных декораций и костюмов, блестящий подбор актеров, но, разумеется, снято и смонтировано острее, динамичнее, в духе новых кинематографических веяний.

В этом же духе подсыпано и пикантности. Если в версии 1947 года лорд Горинг острит и пикируется с дворецким, подбирая бутоньерку, то в версии 1999 года дворецкий, деликатно отвернувшись, пережидает, когда из постели господина выскользнет некая безымянная дама-тень, а уж потом, подавая кофе в постель, поддерживает его остроты.

С преувеличенным пафосом Артура играет Руперт Эверетт, безусловно интересный актер, но в данном случае он, что называется, тянет одеяло на себя и становится всех главнее. Миссис Чивли в исполнении Джулианны Мур выглядит совсем неплохо, но ровно до той поры, как мы начнем ее сравнивать с Людмилой Гурченко.

Российская экранизация была между этими двумя английскими: в 1980 году на киностудии "Мосфильм" "Идеального мужа" снял режиссер Виктор Георгиев, он же подработал сценарий. Оператор – Фёдор Добронравов, художник по костюмам – Ганна Ганевская. Композитора Эдисона Денисова надо отметить особо: музыка в этом фильме великолепная, она не фоном служит, как в тех экранизациях, о которых я уже упомянула, а действующим субъектом! Ну, еще бы, сам Денисов, культовая фигура современной музыки!..

Советский фильм сделан превосходно. Сохранив для зрителя все преимущества круто скомпонованного сюжета, блестящих декораций, изысканных костюмов, остроту диалогов и афористичность высказываний, наша команда обнажила и вывела на новую высоту истинную подоплеку всей интриги. В российской экранизации шантаж – не просто инструмент подлой интриганки, а суть существования высшего общества, всей политической элиты. Здесь отчаянный возглас лорда Горинга: "Ну, не можете не воровать!" – звучит как-то ...не персонифицировано! Он адресован не одной Лоре Чивли. Как и орудие современных дельцов – шантаж.

Вообще-то сначала надо отметить, что для нас пьеса Уайльда звучит актуально еще и потому, что вернулись в российскую реальность и на деловую арену такие понятия как коммерция, биржевые спекуляции, инвестиции, инсайдерская информация, коррупция...ну и далее по списку. Страна нерушимых традиций – Великобритания веками существует в этих реалиях, они для нее столь же привычны, как монархия и королева, парламент, лорды и баронеты...

Ну, разумеется, некоторые подвижки есть: если сам Оскар был под судом из-за своей нетрадиционной ориентации, то нынче член правительства публично позиционирует себя в этой ипостаси, горделиво обозначая тем самым свою ...продвинутость. Сто лет назад общество Великобритании еще боролось за права женщин, чем гордится леди Чилтерн, а нынче женщины легко взбираются на пост премьер-министра! Есть, есть подвижки... Вот и мода переменилась... Но сохраняются основные традиционные ценности, а в противовес им – жульничество и преступления.

В нашей стране в 1980-ые годы главенствовал иной порядок, про биржевые спекуляции мы не слыхивали, но разъяснялось все в фильме очень просто. Миссис Чивли и Лорд Горинг в диалогах с Робертом, правительственным чиновником, совершившим в молодости должностное преступление, давали нам понять, как всё произошло. При этом ни подлая интриганка, ни верный друг своего отношения к главному герою не меняли: она утверждает, что с Робертом Чилтерном они одного поля ягоды, и Артур остается верен другу, хотя и не одобряет его проступка. Да, нехорошо, но лучше бы все рассказать жене, иначе какое же доверие может быть в семье! Словно только в этом и всё неудобство!

Во исправление ситуации интриговать и шантажировать тут будут все. Роберт начнет искать зацепку для атаки в прошлом Лоры Чивли. Артур будет ее шантажировать нечаянно найденной брошкой: вызову полицию и объявлю тебя воровкой! Сама Лора пришла к нему тоже шантажировать: женись на мне, и я отдам роковое письмо, угрожающее твоему другу! Когда у нее сорвется крупная афера, она станет шантажировать по мелкой, отослав выкраденную записку с намеком на грехопадение жены Роберту.

Длинная цепь интриг и шантажа выглядит, как способ существования, неважно уже, кто тут изначально подл, а кто – благороден, важно лишь одно – кто в конечном итоге наверху, а кто

– проиграл. Хотя и поражение лишь временное обстоятельство! Обмен репликами в финале фильма между Робертом Чилтерном и Лорой Чивли как раз об этом: «Сегодня – ты, а завтра – я, ловите миг удачи!..»

Советская экранизация выглядит до неправдоподобия злободневной, из реплики миссис Чивли, что она отнесет разоблачительное письмо в редакцию и газетчики навсегда втопчут карьериста в грязь, режиссер Георгиев вывел целую философию главенствующей роли Четвертой власти. Словно проницательно предвидел небывало возросшую к нашим дням роль СМИ! Все перипетии сюжета идут под фотосъемку: бдит светская хроника, работают репортеры в парламенте, на променаде, в общественном парке... Всюду сверкают вспышки фотокамер! Блистательный карьерист Роберт Чилтерн под камеру произносит свою первую речь – о величии Великобритании, под вспышки снова поднимается по ступеням власти, удачно вывернувшись на этот раз из-под шантажистки.

Особо хочу подчеркнуть, что наш сценарист ничего не преувеличил, даже те подсокращенные проповеди, что произносит лорд Горинг, свидетельствуют о главном: бороться надо с трудностями, не заикливаться на том, что есть зло и что – добро, не существует в мире ничего идеального. Вот главный циничный пафос пьесы Уайльда, и касается он не только идеализации мужа или жены, но и вообще всех сфер бытия, общественной, политической или любой другой.

Восхитительно, что советская экранизация сумела этот пафос выявить и донести ярче и выразительнее всех прочих. Надо отдать дань и нашим легендарным артистам, которые играют гротескно, но не переходя в карикатурность, органично, словно родились на вершине британского Олимпа, легко, изящно и в полной ансамблевой гармонии. Здесь нет первых и вторых величин, Леночка Коренева нисколько не уступает Людмиле Гурченко, а Эдуард Марцевич в какой-то момент кажется убедительнее и симпатичнее великого Юрия Яковлева. Даже злого гения всей интриги барона Арнхейма создатели фильма сумели представить портретом в картинной галерее Чилтерна! – Только что не заговорил и не произнес напутственные слова карьеристу, которого он на старте карьеры сумел соблазнить, и всем нам...

Ну, что ж, пусть эти слова скажет наш гениальный Антон Павлович, с искренним презрением взирающий на британскую свистопляску в этой ярмарке тщеславия:

"Тот, кому чужда жизнь, кто неспособен к ней, тому ничего больше не остается, как стать чиновником". Робертом Чилтерном, идеальным мужем по британской версии.

О добре и милосердии

Сочинение о добре и милосердии?

Но вот задача сформулирована сложнее: написать о добре и милосердии роман.

О том, что именно в выражении этих добродетелей и заключается предназначение человека, его высокая миссия.

Добросовестный автор (не буду сразу называть его имя!), с хорошим филологическим образованием и писательским опытом, задумывается лет этак... на двадцать, и после столь затяжных раздумий выпускает роман именно об этом, от первой и до последней строки.

О человеке, который творит добро изо дня в день, радостно и плодотворно, чуждый корысти, не заботясь о внешнем одобрении, похвалах и наградах. У него нет накопительных счетов, но есть четверо детей, которых он очень любит, жена – хорошая хозяйка, друг, который легко и спокойно присваивает себе заслугу во всем том хорошем, что делает Герой.

Завязка всех последующих событий – трагична, во время пикника и мужских забав в стрельбе по мишеням Герой якобы убивает этого Друга. Его приговаривают к смерти (нет никаких других версий!), но каким-то чудесным образом совершается его освобождение и побег. Далее роман распадается на две сюжетные линии.

В первой – прекрасные дети Героя учатся, не теряя достоинства, выживать в непростых условиях всеобщего к ним презрения, и постепенно преодолевая это самое отчуждение общества. Каждый из них, благодаря мужеству и стойкости, впоследствии становится знаменитым на весь мир. Каждый в своем амплуа: певицы, журналиста, благотворительницы... Износилась только до полной потери самой себя самая самоотверженная и безоглядная в своей жертвенности девочка...

Вторая линия – злоключения собственно Героя, который в статусе беглеца должен не только существовать, но и жить по своим моральным принципам. Что у него блестяще получается. Он творит добро ежечасно, порой забывая о собственной безопасности, но вокруг него расцветает аура благодарной любви...

Следить за этим благородным семейством радостно и поучительно еще и потому, что как-то очень быстро каждый из них, как лакмусовая бумажка, выявляет в окружающих эту способность – быть добрым и милосердным. В орбиту выполнения высокой человеческой миссии втягивается всё больше людей, создается некая отрадная круговая порука потрясающе хороших, с высокими моральными качествами личностей. Тут и русская княгиня в эмиграции, и мальчик-индеец, и доктор-англосакс...

Уточним, действие происходит в Америке, на рубеже веков. Повествование подробное, со множеством говорящих деталей, интересных коллизий, но в то же время – пафосное, нравоучительное, достающее как говорится, до самых печенок! Книга увлекательная, как "Робинзон Крузо"...

Проницательный читатель наверняка уже понял, что я говорю о Торнтоне Уайлдере и его романе «День восьмой», который моментально стал бестселлером, был переведен на многие языки, награжден премиями. Название объясняется в самом романе: семь дней Господь творил этот мир, День восьмой, его наполнение и будущее человека зависит от его, человека, усилий, ему предстоит СОТВОРИТЬ СЕБЯ. Читать роман невозможно без слез и сразу хочется бежать хоть на край света и творить неустанно добро!

В тот год, когда он был переведен и издан на русском, моему старшему сыну исполнилось четырнадцать, проглотив залпом роман, я тут же подсунула его Антону: «Обязательно прочитай!»

Реакция была неожиданной для меня. Прочитал и согласился, что книга – очень интересная, но...

– Знаешь, она мне показалась чем-то похожей на «Что делать?» Чернышевского, – сказал мой оболтус, проявив завидную проницательность. – Этот твой американец очень хочет научить всех жить, вот и написал учебник. Похвально. Небось, Голливуд уже экранизировал?

Я была сильно озадачена, как же мне самой это не пришло в голову! Про себя я с ожесточенным упрямством повторила это самое: «Да, похвально! И ведь работает!»

Но при трезвом размышлении вынуждена была признать, что одних благих намерений – научить человека следовать высоким моральным принципам добра и милосердия, все же недостаточно. Князь Мышкин тоже бесконечно добр и полон к людям сочувствия, но в той реальной среде, где ему приходится бытовать, ему остается только окончательно сойти с ума. Он еще может потрясти Рогожина и Настасью Филипповну, но даже их не может наставить на путь истинный. Жизнь!.. Так же, как и Катюша Маслова – не может поверить в искренность милосердия благотворителя, потому что именно с него и началось ее падение...

Достоевский и Толстой настолько правдивы и сильны в отображении внутренних душевных движений, что они не могут подавать мораль отдельно от этой самой жизни. Вот это разложение по полочкам у них не может состояться, а вот все многообразие, сложность и спутанность устремлений и деяний выходит блестяще! И хотя Торнтон Уайлдер получил аж три Пулитцеровские премии, а графу Толстому даже в получении Нобелевки по литературе отказали, я все же считаю, что наши классики несравненно выше ученого американца. Потому что они не вырывают читателя из жизни, они находят моральный пример прямо в реальной среде, что и убедительнее, и воздействует гораздо сильнее. Мы-то, читатели, тоже ведь вынуждены действовать не в заданной условности, а в противоречивости реалий!

Герои Уайлдера живут примерно в то время, когда Толстой и Горький писали свои литературные мемуары: на сломе веков. И у того, и у другого есть «Детство», мы их со школьной скамьи помним, чуть ли не наизусть. Толстой вспоминает среди прочих близких мамину нянюку Наталью Савишну, образ дивный, глубокой жизненной силы и правды. А Алексей Максимович с такой же любовью, искренностью и мастерством рисует свою бабушку, человека, источающего добро и милосердие каждым своим движением. Так вот обе эти старушки бытовали в условиях горестной и жалкой несвободы, угнетения и абсолютной бесперспективности – и невзирая ни на что просто не могли быть иными. И в это веришь! Этот лучик света, который вроде бы ниоткуда, безо всякой опоры, тем не менее, и светит, и греет!

Я позже, у Павла Басинского (наиболее полная биография писателя) читала подоплеку некоторых произведений Горького. Так вот он с изумлением вспоминает, что бабушка Алексея была пьянчужкой, совсем не благостного поведения, чуть ли не с малолетства – нищенка. Дед не считал ее ровней себе и всячески угнетал, но в ней гнездились несокрушимое убеждение, что людей надо жалеть. Всех. Без исключения. И даже (о, святотатство!) не потому, что Богом заповедано любить ближнего своего. Она в молитвах своих Богородицу уговаривает-улещивает, пожалеть всех (поименно!), кого только видит вокруг себя, подарить им радость. И дед зло восклицает: "У, язычница, чуваша, я тебя как учил молиться!?"

Дед – грамотный, правильно верующий, но Бог у него – злой. А у бабушки – милосердный, всех жалеющий. Значит, всё от человека, это он дает своему богу направление?

"Детство" Горького произвело ошеломляющий эффект на современников.

А. Блок в письме к Сухотину в 1916 году: писал: "Прочтите "Детство" Горького – независимо от всяких его анкет, публицистических статей и прочего... Какая у него была бабушка!" Книга тоже стала бестселлером, была переведена чуть ли не на все языки и громко разошлась по миру. Между прочим, японцы этой книгой были потрясены и провозгласили "Детство" Горького – величайшим мировым достижением в литературе! Что-то бабушка Акулина сказала и японской душе...

Я позволю себе довольно большую цитату из книги Павла Басинского:

"Мифологию образа Бабушки Горький прописывал с особой тщательностью и любовью. Поэтому, как художник, именно здесь он превзошел самого себя. Ничего более нежного, поэтичного, чем этот образ, Горький не создал ни до, ни после повести «Детство». И если бы кроме этой повести он не написал ничего, мировая литература все равно бы пополнилась гениальным писателем, а этот шедевр остался бы великой не только художественной, но и психологической загадкой.

... Уже в 1895 году в «Самарской газете» он опубликовал первый набросок к будущему «Детству» – очерк «Бабушка Акулина» (изначально и повесть замышлялась под названием «Бабушка»), который с тех пор благоразумно не включал в свои сборники и собрания сочинений, как бы похоронив в прошлом живую Акулину Ивановну. Этот живой бог «умер», чтобы затем воскреснуть в мифотворческом образе «Бабушки». В очерке «Бабушка Акулина» рассказывается о нищей старухе, которая живет в сыром подвале, собирая вокруг себя городскую шваль, отходы человеческого общества, горьких пьяниц, распущенных до такой степени, что не стесняются жить за счет нищей старухи.

«Бабушка Акулина была филантропкой Задней Мокрой улицы. Она собирала милостыню, а в виде подсобного промысла иногда, при удобном случае, немножко воровала. Около нее всегда ютилось человек пятьдесят "внучат", и она всегда ухитрялась всех их напоить и накормить. "Внучатами" являлись самые отчаянные пропойцы-босяки, воры и проститутки, временно, по разным причинам, лишенные возможности заниматься своим ремеслом. Вся улица знала ее, и слава о ней выходила далеко за пределы улицы. Но все-таки, на языке босых и загнанных людей, "попасть во внучата" значило дойти до самого печального положения; поэтому бабушка Акулина как бы знаменовала собой крайнюю ступень неудобств жизни и, пользуясь большой известностью за свою филантропическую деятельность, не пользовалась любовью со стороны опекаемых ею людей».

Представляете? Ни признания, ни награды, ни любви, – никакой корысти. Ах, как больно и горько все это читать. А у бабушки Акулины веселые синие глаза радостно светятся! С ума можно сойти... А с другой стороны, если и благотворительствовать, так не олигархам же или целеустремленным людям, а именно упавшим на самое дно, безнадежно и окончательно! Кому, как не им, милосердие всего нужнее?

Когда я сравниваю "День восьмой" и два русских "Детства", я вовсе не выстраиваю иерархию и не раздаю степеней. Я ищу родство и разницу. Мир – огромен и при этом многогранно объемлен. Невольно задумываюсь, например, что Добро и Милосердие – не тождественны, да и в каждом этом явлении разные люди видят вовсе не одно и то же.

Вот еще случай не из литературы – из жизни.

Уроженец Эльзаса, знаменитый философ, органист и музыковед Альберт Швейцер, в пору творческого расцвета, вдруг поступил в медицинский, выучился на врача и уехал в дебри Центральной Африки. Пол столетия лечил бедных африканцев, принимал роды, строил на свои средства больницы и сажал сады. Ему было неимоверно трудно, не хватало рук для ухода за больными, медикаментов и перевязочных материалов. Малярия, дизентерия, проказа... Как он все это преодолевал – не постичь. Что им двигало? Как в этом аду, в этом врачебном рвении он еще и писал свои философские и музыковедческие работы, играл на рояле, продумывал организацию профилактической помощи в этой глухомани? Кому родственен Швейцер, – Акулине Ивановне или Джону Эшли?.. Можно ли вообще привести все эти истории к единому знаменателю, морали, которой непременно надо следовать? Я думаю – хорошо к этому хотя бы стремиться.

«Игроки» Гоголя – гениальная незавершенка

Николай Васильевич пожаловался Прокоповичу в письме от 29 августа 1842 года (дату держим в уме!..) из Германии: "Посылаемую ныне пьесу „Игроки“ всилу собрал. Черновые листы так были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мне работу страшную разбирать".

Какой-то внутренний позыв все-таки заставил Гоголя пьесу и собрать, и отослать в печать, и даже передать на постановку. Уже на следующий год в феврале публика увидела новую комедию в Малом театре, на сцене блистали в числе прочих Щепкин и Садовский! А в апреле того же года "Игроки" были представлены в Александринском театре – играли любимцы публики Мартынов, Самойлов, Сосницкий...

Критика к Гоголю была неравнодушна. Еще не забылось автору, как его шпыняли за "Ревизора", сколько ему потом пришлось оправдываться, устно и письменно! Досталось от критиков Николаю Васильевичу и за "Игроков": что это за пьеса без единой женской роли, с одной лишь карточной интригой, без достойной перемены декораций, в одном акте в придорожном трактире! Правда, все отметили, что публика представление смотрела до конца с неослабевающим интересом, сюжет оказался хитро закрученным – и очень остроумно разрешенным. (Сегодня все бы назвали эту комедию незаурядным детективом на остросоциальные темы!) На этом всё и кончилось. Поникший автор в собрание сочинений хоть и поместил "Игроков", но с извинительной пометкой: "незавершенная".

Для него самого все было исчерпывающе и прекрасно высказано: шулерство, возведенное в ранг добропорядочного (!!!) мастерского искусства, в жизни проигрывает, расшибается вдребезги об искрометную импровизаторскую выдумку картежников рангом хоть и пониже, но смекалистее, веселее, незашореннее никакими правилами. Ну, примерно так же, как легкомысленный и недалекий Хлестаков, сам того не осознавая, переигрывает доку-городничего со всеми его хитроумными приспешниками. Нечаянно, неосмысленно, но тем вернее и смешнее! Такая интрига, в отличие от тогдашних шедевров европейских комедиографов, и не нуждается в хитросплетениях вокруг пышных юбок. Здесь русский нрав, невероятная способность к изобретательности, ерничеству, умение... левой пяткой за правым ухом почесать, да при этом еще и немалую выгоду извлечь.

О, Гоголь был мастер из повседневной реальности извлечь эти фантазмагоричные сюжеты, должно быть, поэтому его произведения были настолько притягательны для творческого переосмысления и заимствования художниками, композиторами, театральными и киношными постановщиками. Кажется, нет ни одного произведения Николая Васильевича не переведенного на язык живописи или музыки, некоторые – не по одному разу! Да взять хоть бы "Ревизора" – уже в наши дни Дашкевич написал по нему оперу, а А.Чайковский в 1980 году – балет, мне довелось его видеть тогда же, в 80-х, в Мариинском театре в Ленинграде, очень смешное зрелище! Мои мальчишки хохотали, глядя, как взяточдатели таскали девиц кордебалета в юбочках из ассигнаций, вручая их Хлестакову. Между прочим, это был первый в их жизни балет и первое посещение оперного театра.

Эх, жаль самому Николаю Васильевичу не довелось услышать и увидеть всех этих опер, балетов, симфоний, навеянных его произведениями. Он был о музыке самого высокого мнения: «Она, музыка, восторженнее, она стремительнее обеих сестер своих. Она вся – порыв; она вдруг за одним разом отрывает человека от земли его, оглушает его громом могущих звуков и разом погружает его в свой мир. Она властительно ударяет, как по клавишам, по его нервам, по всему его существованию и обращает его в один трепет. Он уже не наслаждается, он не сострадает, он сам превращается в страдание; душа его не созерцает непостижимого явления,

но сама живет, живет своею жизнью, живет порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная она проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов..."

Вот и за "Игроков" взялся великий Шостакович, и ровно через сто лет после рождения пьесы сочинил в 1942 году оперу. Не хотелось ему упускать из незавершенки Гоголя ни слова – и получалось длинно... Выйти из этой коллизии Дмитрий Дмитриевич не сумел и поступил в точности, как Николай Васильевич: оставил оперу со словами "незавершенная". Разумеется, впоследствии он использовал музыкальный материал в одной из своих симфоний, но и опера не была забыта. В 1978 году Геннадий Рождественский, кое-что подкрутив в наследии двух гениев, выпустил оперу в концертном исполнении. К сожалению, это была единственная попытка.

Мистика вокруг Гоголя все плела свои замысловатые кружева. Случайное ли это совпадение, но в том же 1978 году публика увидела телефильм Романа Виктюка "Игроки". В ролях блистали Александр Калягин (Ихарев), Валентин Гафт (Утешительный), Леонид Марков (Швохнев), Александр Лазарев (Кругель)... Материализованной метафорой предстала в этом фильме и великолепная Маргарита Терехова, сыграв... колоду карт по имени "Аделаида Ивановна".

В 1992 году телеверсию "Игроков" представил Сергей Юрский. А в начале 2000-х совершенно изумительный спектакль по сюжету Гоголя сделал Олег Меньшиков в театре Ермоловой: остроумный, музыкальный, невероятно актуальный по только что прокатившимся в России жульническим девяностым годам. (Кстати, спектакль также снят на пленку, чему стоит от души порадоваться). Я его видела в сценическом воплощении и была в полном восторге.

Ну, и наконец, экранизация 2007 года Павла Чухрая, фильм "Русская игра". В сюжет Чухрай сценарист внес упрощающую понимание всего противостояния ноту: не добропорядочный мастер шулерства проигрывает компании остроумных и смекалистых жуликов, а заезжий итальянец оказывается наказанным русскими ребятами. Ну, вроде как "знай наших!"

Фильм "Русская игра" сделан при всем при том настолько мастерски, весело, я даже бы сказала залихватски, что... пересказывать не стану, надо смотреть! Ну да, появились новые сценки, пляшущие цыгане, бордель, но... Чухрай не испортил Гоголя. Видимо, еще и потому, что, как и во всех предыдущих постановках более чем 150-летней давности, играют в комедии непревзойденные мастера сцены: Сергей Гармаш – Утешительного, Сергей Маковецкий – Швохнева, Андрей Мерзликин – полковника Кругеля. Бог мой, как они отплясывают в трактире, сводя с ума гордого своей шулерской выучкой итальянца! Это ведь невозможно заложить ни в какой сценарий, – но это настолько в духе гоголевской прозы, его преувеличенной и цветистой реалистичности! Поскольку в драматургических произведениях Гоголю с его потрясающе многоцветным и богатым слогом было не разгуляться, я думаю, он бы только порадовался умению режиссера и артистов расцветить действие импровизаторской игрой!

Хорош в своей добропорядочной искренности и Джулиано ди Капуа – в роли итальянского шулера Лукино Форца. Авангард Леонтьев замечательно представил подставного чиновника из приказа Замухрышкина. Словом, и ансамбль сложился редкостный, и темп великолепный, и очень трогательна финальная сцена, когда шулерская компания, благодатная и притихшая, занятая починкой жилетов, катит по степи в бричке под русскую народную песню...

Кстати, очень хороша в фильме и музыка Юрия Потеенко, мастера своего дела, четырежды лауреата премии «Золотой орёл» в номинации «Лучшая музыка к фильму» (2010, 2013, 2016, 2018 годы). Да и фильм в целом не обойден наградами – и за режиссуру, и за костюмы, и за экранизацию в целом.

С отступлением от фильма Павла Чухрая, хочу процитировать занятого в спектакле у Меньшикова актера Виктора Сухорукова, который прекрасно ответил на вопрос, а почему, собственно, Олег выбрал для постановки гоголевских «Игроков»? Почему к комедии неустанно возвращаются?

"Это мужская история, мальчишник. Николая Васильевича Гоголя еще современники поругивали за то, что у него в пьесах нет любовных треугольников, женской перчатки, вуальки, туфельки... Ну что ж... История действительно жесткая – без сантиментов. Но главное, есть богатейшая идея, где каждый найдет свою тему, поймает свою мысль, которая либо покоробит его, либо вызовет усмешку. Теперь я знаю точно, что Олег эту историю давно облюбовал – он вообще обожает Гоголя. В "Игроках" заложена стихия игры, озорства, куража..."

Добавлю: стихия русского характера, непредсказуемого естества, импровизационного полета натуры, не признающей правил и ограничений. Творческой натуры! А, может быть, Николай Васильевич вполне сознательно и не стал, в угоду критикам, "подтягивать" свою комедию, дав волю импровизации постановщиков? Жизнь, мол, сама подыграет!

Робинзон Крузо: что страшнее одиночества

Выдохнула! Завершилась моя яблочная страда, грибные походы, плита, ароматы, банки. Заготовительная эпопея имеет свою прелесть – но до определенного предела. Вечером прилегла на диван с легким чтивом: чтобы уснуть крепче, без маяты. Взяла «Робинзона Крузо» – столь известные вещи можно читать с любого места, открываешь наугад и погружаешься в увлекательное повествование!..

Поверьте, так оно и было. Открыла наугад и прочла: «Перед ужином помолился: насколько я могу припомнить, за всю мою жизнь это была моя первая трапеза, освещенная молитвой».

Я вклинилась в роман с того места, как бедный Робин, уже провернувший кучу дел по обустройству на необитаемом острове, прихворнул и теперь уже по-настоящему испугался, что некому будет ему в болезни и воды подать. В задумчивости я полистала книгу на более ранние страницы: «Должно быть, я простудился... Страшно боюсь расхвораться: каково будет тогда мое положение без всякой помощи! Молился богу в первый раз с того дня, когда мы попали в бурю под Гуллем, – но слова молитвы повторял бессознательно, так путаются мысли в голове».

Десять дней лихорадки, перемежаемой мыслями о боге, о своей беспомощности, вещими снами, раскаянием, что душа его до сей поры не знала истинной веры. «Правда, когда я ступил на берег острова и понял, что весь экипаж утонул, и один только я пощажен, на меня нашло что-то вроде экстаза, восторга души, который с помощью божьей благодати мог бы перейти в подлинное чувство благодарности. – Припоминает Робин с раскаянием. – Но восторг этот разрешился... простой животной радостью существа, спасшегося от смерти: он не повлек за собой ни размышлений об исключительной благости руки, отличившей меня и даровавшей мне спасение, когда все другие погибли, ни вопроса о том, почему провидение было столь милосердно именно ко мне».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.